

УДК 81'37(470.53/531)

ЧТО НОСИЛИ МОДНИЦЫ В ПРИКАМЬЕ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА (по данным лексики пермских памятников письменности)¹

Елена Николаевна Полякова

профессор кафедры общего и
славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15, 32polyakova@mail.ru

По данным лексики пермских памятников письменности XVII – начале XVIII в. рассмотрено употребление названий женской одежды, головных уборов и обуви в Прикамье. Показаны преобладание общерусской лексики в этой тематической группе и вместе с тем использование диалектных слов (*головец, скуты*), семантических диалектзмов (*коклюшки*), связи с коми-пермяцким языком (*дубас*), определены источники некоторых слов. Исследование дополняет новыми материалами XVI–XVIII вв. отраженный в словарях свод русской лексики, а также наблюдения этнографов над пермскими данными XIX–XX вв. Оно актуально как для истории русского языка, так и для этнографии Прикамья.

Ключевые слова: Прикамье; лексика; женская одежда; головные уборы; обувь.

В памятниках письменности XVII – XVIII вв. разных территорий России и в исторических (историко-лингвистических) словарях зафиксировано большое количество названий предметов одежды, дающих возможность представить на общерусском фоне эту тематическую группу слов в пермских памятниках письменности и некоторые особенности материальной культуры Прикамья исследуемого периода. В 70-е гг. прошлого столетия мы уже обращались к анализу лексики одежды в пермских текстах XVII–XVIII вв. [Полякова 1977], однако размеры статьи не позволили тогда детально охарактеризовать ее. Обращаясь вновь к изучению этой тематической группы слов, в данной работе останавливаемся только на рассмотрении названий предметов женской одежды в сопоставлении с материалами пермских говоров XIX–XXI вв. [Зверева 2009 а; Зверева 2009 б; Акчим, СПГ, СРГКПО] и текстов памятников письменности и исторических словарей других территорий [РИС, СНРРТ, СОЛЯ, СПЛСР, СлРЯ XI–XVII вв., СлРЯ XVIII в. и др.].

В Прикамье названия женской одежды отмечаются в основном в описях имущества в судебных текстах, завещаниях, а также при описании каких-либо событий (передачи приданого невесты, торговых сделок, воровства, грабежа). Лек-

сика женской одежды в пермских памятниках более разнообразна, чем названия предметов мужской одежды и представлена большим количеством словоупотреблений. Детская одежда не имела своих названий, именовалась теми же словами, что и одежда взрослых, но с добавлением прилагательного указывающего, что она принадлежит ребенку: *Шубенко робячье маленькое* [СПИИ, к. 3, 815]², *14 рубашек тонких муских и женских и робячих* [КСАУ: 698], *15 пар рукавиц барановых децких* [Тамож: 15]³.

В пермских текстах отмечается преимущественно горничная, а также верхняя женская одежда. В качестве названия нижней одежды зафиксированы слова *рубаха* и *рубашка*, сопровождающиеся во многих случаях определением *женский*: *Покрал у меня... женских рубах и сарафанов числом 15* [КСАУ: 106], *Двух рубашек женских у нее Мавры она Марфа не имывала* [КСАУ: 125]. В отличие от результатов исследования Г.В.Судаковым названий одежды Северной Руси и других территорий России XVI–XVII вв., где зафиксировано много случаев употребления слова *сорочка* [Судаков 1988: 18], в памятниках Прикамья оно встречается редко и лишь при описании дорогих вещей: *Вершок шапошной золотой поношенной цена рубль сорочка золотая рубль с полтиною* [ЧА: 140]. Возможно,

его употреблению препятствовало использование в Прикамье слов **сорок** и **сорока**, называвших связку сорока шкур мех ценных пушных зверей: *Собрали они сотники Кунгурского уезду со всех четвертей с ясаиных татар и с черемис кунного ясаку на нынешней 206 год 11 сороков 4 куницы* [КА: 267], *Ясаку по окладу на нанешней на 147 год четыре сороки 7 соболей... ясаку с вогулич* [СПИИ, к. 2: 634].

Шили рубашки из ткани домашнего изготовления, общим названием которой было слово **холст**. Холст характеризовался по материалу, из которого был изготовлен (**льняной** и **конопляный**), по качеству – толщине ткани (**толстый**, **тонкий**), по особому способу изготовления – переплетения нитей (**браный**): *8 аршин холсту толстого цена 4 алтына 15 аршин холсту тонкого цена 10 алтын* [КА: 33], *Конец холсту тонкого льяного 10 аршин холсту конопляного 10 же аршин 2 конца холста-хряцю* [КСАУ: 106], *Браные две рубахи женские тонкие* [КСАУ: 708]. **Хряцом** называли грубую льняную или конопляную ткань. Кроме слова **холст**, в пермских памятниках использовали его синонимы **полотно** и **портно**: *Взяли... полотна 3 аршина* [КА: 20], *60 аршин холста-хряцю* [КЗСИ: 838], *Портна-хряцю дватцать шесть аршин* [СПИИ, к. 3: 815].

Нередко указывается, из какой ткани сшита женская рубашка: *Три рубашки тонкие льяные* [КЗСИ: 1001], *15 рубашек мужских и женских холщовых цена 24 алтына шесть рубашек портяных тонких* [КА: 33], *Пять рубашек женских хрящевых* [КЗСИ: 838].

Этот предмет женской одежды был универсальным: рубашка использовалась и как нижнее белье, и вместе с тем как часть горничной одежды. Ее надевали под сарафан, шушун или дубас.

Повседневные рубашки шили обычно из толстого холста, но выходную, праздничную рубашку делали из тонкой, иногда браной ткани, рукава рубашки украшали прошивами или кружевами (коклюшками): *Пять рубашек женских тонких с прошивами* [КЗСИ: 838], *Рубашка женская тонкая с коклюшками нитными... рубашка тонкая с коклюшками ветхая не ценена затем что обмочена* [КЗСИ: 814]. **Коклюшками** в Прикамье называли плетеные из льняных ниток кружева в отличие от привозных шелковых **кружев** или плетеных украшений с жемчугом: *Два портница кружив кизылбаишских шелковых шестерных* [КСАУ: 229], *Шапка отласная с перередьем и с круживом женчюжнем* [ЧА: 139].

В региональных исторических словарях слово **коклюшки** отсутствует [СПЛСР СРНДРС и др.], в словарях, обобщающих материалы разных территорий России, **коклюшка** – ‘коклюшка’ [СлРЯ

XI-XVII вв. 7: 230]; ‘точная палочка для намазывания ниток и плетения кружев’ [СлРЯ XVIII в. 10: 84]. Таким образом, пермское слово **коклюшки** ‘кружева’ является семантическим диалектизмом.

Нередко тонкие и украшенные рукава пришивали к более грубой станине (основной части) рубашки, их так и называли – **рукава**: *На пай досталось сарафан киндяиной рукава женские белые* [КЗСИ: 830], *Хотела де она Анисья ей Марье дать холста на рукава* [КЗСИ: 843].

Повседневной рабочей женской одеждой, которая надевалась на рубашку (**рукава**) был **дубас**: *Покрали... дубас ветхой дубленой* [КСАУ: 698]; **дубленой**, т.е. крашенный дубом ‘отваром березовой или ивовой коры’. К сожалению, в лексической картотеке исследованных пермских памятников⁴ это слово отмечается всего лишь 1 раз. В исторических словарях оно зафиксировано только по материалам XVIII в.: как **областное** в значении «Род одежды, подобной сарафану, употребляемой в некоторых областях России, и названный по тому, что красят в дубовом листу» [СлРЯ XVIII в. 7: 21, цитируется по САР 2: 782] и как «Особого покроя сарафан» в памятнике Тюмени [СРНДРС: 39].

В говорах слово **дубас** широко употреблялось в XIX-XX вв. на территории Верхнего и Среднего Прикамья и описано во всех диалектных пермских словарях [Акчим 1: 260; СГСРПО: 148; СПГ 1: 236; СРГКПО: 91] как название одежды, похожей на современный сарафан «с узкими лямками» (бретелями), сшитой из крашеной (преимущественно в синий цвет) ткани домашнего производства (крашеины или пестряди). Автору данной статьи в одной из первых диалектологических экспедиций в «холодное лето 53» пришлось примерять дубасы в населенных пунктах Чердынского района (Бигичи, Долды, Пянтег), чтобы оценить их особенности, достоинства и недостатки. И все носители говоров при этом постоянно подчеркивали, что дубас не сарафан: у них разный покрой, различные материалы для изготовления и назначение. Для жителей Прикамья XX в. слова **дубас** и **сарафан**, хотя и называли похожую одежду, не были абсолютными синонимами, как не были они таковыми и в Пермском крае в XVII-XVIII вв. Дубас как особый, косоклиный сарафан из крашеного холста отмечается и в коми языках [КПРС: 130; КЯД: 110; ССКЗД: 114].

Так как исконная пермская диалектная лексика генетически связана с говорами Русского Севера, мы ожидали найти истоки пермского слова **дубас** именно в последних. Однако надежда не была оправдана: этого слова как названия одежды не оказалось ни в архангельском и вологод-

ском словарях [АОС, СВГ], ни в словаре говоров Русского Севера [СГРС], ни промысловом словаре Северной Руси XV-XVII вв. [СПЛСР], ни в исследовании географии названий женской одежды XVI-XVII вв. [Судаков 1988: 31], хотя в архангельских говорах отмечается слово **дубак**² как название сарафана [АОС 12: 330], словом дубас называли лодку, выдолбленную из цельного дерева [СГРС 3: 280].

Актуальные данные для исследования истории слова **дубас** оказались в «Словаре русских народных говоров»: оно отмечается как название одежды в пермских, вятских говорах и далее – на востоке: на Среднем Урале, в Зауралье, на Алтае и в Сибири [ср. также: СРГСУ 1: 146; СРГСУ-Д: 142; СРГНО: 138; СРГЮРКК: 80; СРГА 2: 50 и др.].

На восток оно пришло, скорее всего, именно с пермской территории, так как сибирские старожильческие говоры создавались переселенцами, многие из которых в XVII – начале XVIII в. были выходцами из Прикамья или прошли через него.

Но если названия одежды **дубас** не было принесено в Прикамье с Русского Севера, то откуда оно появилось на Пермской земле? Ряд финно-угроведов, в частности М.Фасмер предполагали, что это слово финно-угорского происхождения, «из языка, близкого к пермскому (ввиду наличия d), ср. хантыйское *topes* ‘передник’» [Фасмер 1: 548]. Приведенные выше русские и коми диалектные данные, казалось бы, не противоречат этому предположению, т.е. **дубас** можно рассматривать как диалектизм пермского (финского) происхождения. Однако не исключено, что слово родилось на пермской территории, но в русской речи [ср. также: Аникин: 190].

В качестве названия выходной, праздничной одежды в пермских памятниках было распространено общерусское слово **сарафан**. Пришедшее к русским из тюркского языка и называвшее сначала вид мужской короткополой распашной одежды, в XVII в. в Прикамье оно относилось уже только к женской одежде.

Сарафаны здесь шили из разных тканей. Самыми дешевыми были изготовленные из крашеного домотканого холста – **крашенины**: *Сарафан крашенинной поношенной* [КСАУ: 698], *Два сарафанишка крашенинных* [КСАУ: 698], *Коробка окованная и з замком а в ней сарафан крашенинной зеленой подержанной* [КСАУ, 814], *Покрала де у него Васки из клети... крашенинной сарафан новой* [КА, 74].

Более дорогие сарафаны шили из привозных с Востока хлопчатобумажных (бумажных) или шелковых тканей. Бумажные сарафаны изготавливали из **зендени** (*Сарафан зенденной цена восьм гривен* [ЧА: 139], *Сарафан желтой зен-*

денной [КСАУ: 698], *Сарафан зенденной* [КЗСИ: 910], *Видал он Иван... сарафан зенденной* [КСАУ: 271]), кумача (*Сарафан кумачиной поношенной* [КСАУ: 123], *Два сарафана кумачиных цена полчетверта рубли* [КЗСИ: 522 а]), киндяка (*Ему Родиону на пай досталось сарафан киндяшной рукава женские белые* [КЗСИ: 830], *Взяли... киндяшной сарафан синей да два кумачиные* [КЗСИ: 814] и китайки (*Приданого дал сарафан китайчатой цена 40 алтын* [КСАУ: 225]. Шелковые сарафаны отмечаются реже других, их шили из ткани, называемой **дороги**, или из **тафты**: *Владеная... на платье... на два кавтана да на сарафан тафтяные на шубу билью под тавтою да на сарафан дорогил(ь)ной* [КСГ: 148 об.].

Тексты памятников дают возможность восстановить, как выглядели сарафаны в Прикамье в XVII – начале XVIII в. Они были тонкими и толстыми: *Покрал у меня ... ис клети моей сарафанов тонких и толстых числом 15* [КСАУ, 106]. Толстые шили с подкладкой: *Сарафан женской дорогильной подклад крашенина цена 4 рубли* [КЗСИ, 522 а]. Сарафаны были распашной одеждой, о чем свидетельствует наличие пуговиц: *Сарафан кумачной красной подклад холицевой с пуговицы и с кружывом мишурным* [КСАУ, 814]. Богатые сарафаны украшали кружевами (*с кружывом мишурным*). Стоимость такой одежды была очень высокой, сарафаны передавали по наследству, отдавали в приданое, но требовали возврата этого приданого, если молодая жена умирала.

Описание различных ситуаций дает возможность выявить некоторые не известные ранее особенности сарафанов. Так, в одном из кунгурских судебных дел говорится: *Кунгурец села Тихоновского Гарасим Люкодуев обвив у себя голову травой для того чтоб ево не узнали и выскоца из стороны з деревиною и сестру мою девицу Анну с ног зишиб и угрожал ея зарезати ножем и взял у нее грабежем сарафан кумачной подержанной по вороту обложен белою бармой* [КЗСИ, 435]. Здесь впервые в русской исторической лексикологии появилось слово **барма** как название отделки **крестьянского** сарафана – большого воротника или оплечья. Обычно в словарях это слово толковали как богато украшенное жемчугом и драгоценными камнями оплечье царского или княжеского наряда. В новом значении ‘оплечье, отделка по вороту женского сарафана’ оно введено в региональный «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» [СПП 1: 21], а оттуда со ссылкой на этот источник – в общерусский «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» [СОРЯ 1: 81].

Так региональные памятники позволяют пополнять сведения о лексическом фонде русского языка прошлых эпох.

Пермские деловые тексты дают возможность представить, как выглядел в Прикамье женский сарафан: он напоминал платье без рукавов иногда на подкладке, был долгополым, распашным, с пуговицами и мог быть с большим воротником или оплечьем. Лексика, использовавшаяся при описании сарафанов была общерусской, но от заимствованных названий тканей (*киндяк, дороги, тафта* и др.) образовывали прилагательные, отражавшие произношение жителей края: *киндяшной, дорогильной, тавтяной*).

Еще одним названием женской одежды, надеваемой на рубашку (рукава), было слово *шушун*: *Шушун мухоярный с пуговицы серебряными... шушун крашенинной* [ЧА: 139]. Оно отмечается только на севере Пермского края, в Чердынском районе, где функционировали самые ранние русские говоры Прикамья. Его принесли в Прикамье с Русского Севера, где оно отмечается в памятниках письменности [Судаков 1988: 31]. Употреблялось оно и в памятниках XVI в. Карелии [Михайлова 2004: 260].

Известно, что в Прикамье шушуну были шиты из крашеного холста (*крашенины*) или *мухояра* – ткани из смешанных волокон (льняных и шерстяных или льняных и шелковых). Установить, каким видом одежды был шушун, по пермским текстам не представляется возможным, однако есть памятники других территорий, дающие некоторое представление о нем: «Шушун теплой крашенина желтая, а подклад заечей, нашивки шелку чер(в)чатого, пугвицы оловянные, розпашной. 1609 г.» [СлРЯ XI-XVII вв. 10: 322].

В современных русских говорах Пермского края это слово отмечено только в одном из диалектных словарей: «**Шушун**. – Стеганое короткое пальто без воротника. *Шушун на вате простегашь, сверху-то холиловица: осенью надевашь – тепло*» [СПГ 2: 564]. Но в коми говорах оно имеет другое значение: ‘сарафан с косыми клиньями из домотканого полотна’ [КПС: 574], ‘косоклинный сарафан из домотканого пестрядинного холста’ [ССКЗД: 439]. Анализ судьбы различных слов в русских и коми говорах показал, что в коми языках иногда сохраняются пришедшие в далеком прошлом из русского языка слова или значения слов, исчезнувшие впоследствии из русской речи, например: слово *жир* ‘помещение, комната, этаж в избе’ отсутствует в русских говорах Прикамья, но живет и развивается в коми-пермяцком языке, где им называют комнату, класс, аудиторию [Полякова 1982]. Видимо, и слово *шушун* в коми говорах сохраняет

близкое к старому значение: в прошлом это была женская одежда, похожая на старинный сарафан, который мог быть теплым (на подкладке), распашным (на пуговицах).

Слово *шушун* отмечается во многих русских говорах XIX-XX вв. Но семантика его в диалектах различна: «шубейка, телогрея, душегрейка..., род женской блузы, верхней крашенинной сорочки..., головной убор» [Даль 4: 650].

«В вологодских, вятских и новгородских говорах *шушун* – «крашенинный сарафан и старушечий шушпан», в олонекских – «сарафан из красной кумачины с воротом и висячими позади рукавами» [там же]. О.Н.Трубачев, исследуя этимологию слова *шушун*, обращает внимание на последнее значение и, сопоставляя с финским *hiha* ‘рукав’, приходит к выводу о празападнофинском его источнике (*šiša). Оно могло в прошлом называть одежду с висящими сзади рукавами, отражение чего мы видим в олонекских говорах [Трубачев 1961: 50-51]. В этом значении оно пришло в прошлом на Русь, но постепенно менялся вид одежды, и слово в разных местах приобретало разные значения, а затем выходило из живой речи.

Сейчас в России о нем помнят по стихотворению Сергея Есенина «Письмо матери»:

*Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

*Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне,
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

В итоге исследование слова *шушун* по пермским и другим источникам показало, что в Прикамье оно попало с переселенцами с Русского Севера [ср.: Судаков 1988: 31], в диалект которых пришло в далеком прошлом из западнофинских говоров, и могло называть женскую долгополую одежду, напоминающую сарафан, но с висящими сзади рукавами. Постепенно шушун переживал изменения, потерял свисающие рукава, стал напоминать сарафан, что привело и к утрате слова *шушун* в русских говорах Прикамья (замене его словом *сарафан*).

На других территориях рукава шушуна сохранялись, одежда укоротилась и напоминала уже шубейку, телогрейку, теплую верхнюю одежду с застежкой (у С.Есенина). И в этом значении позднее, чем в ранние чердынские говоры, оно тоже могло попасть в Прикамье. Следы его и находим в приведенной выше записи в «Словаре

пермских говоров», сделанной в деревне Меча Кишертского района (в южной половине Пермского края). Здесь русские говоры формировались на два столетия позднее северных (чердынских) и при участии не только северных диалектов Прикамья, но и других источников. Видимо, с ними слово *шушун* пришло вторично на Пермскую землю, но уже с другой семантикой.

Еще одним словом пермских памятников, установить значение которого помогает сопоставление с материалами современных говоров края, является слово *верхница*, отмечаемое в кунгурских актах XVII-XVIII вв.: *Верхница синяя ветхая* [КСАУ: 698], *Две верхницы желтые* [КСАУ: 281], *Взяли... верхницу дубленник новой цена 4 алтына* [КА: 20]. Очевидно, что это дубленая, т.е. крашенная дубом (отваром из коры деревьев) или покупной краской одежда. Но какая? В пермских и других уральских говорах оно отмечалось как одно из названий сарафана [Даль 1: 184; СРГСУ 1: 72]. По данным середины и конца XIX в., *верхница* – «Сарафан из холста. Охан. Перм., 1854... Сарафан из грубого холста. Перм. Кунгур, 1858... Синий сарафан из холста. Перм., 1848... Сарафан с проймами. Охан. Перм., 1930. Сарафан без боров, Перм., 1896» [СРНГ 4: 161]. Территориальные пометы показывают, что слово *верхница* было характерно для говоров южной части Пермского края. В пермских памятниках оно отмечается тоже в южных, кунгурских текстах.

В XVII – начале XVIII в. шили и теплые женские сарафаны из сукна или сукманины (полусерстяной ткани домашнего изготовления). Их называли по материалу для изготовления – *сукня* и *сукман*: *Взяли... сукню зеленого сукна анбурского* [КЗСИ: 814], *Сукню темно-зеленого сукна анбурского... купил* [КА: 241], *Сукман женской желтой* [КЗСИ: 838.]. Если сукманы шили сами, то сукни могли быть покупными, привезенными в Прикамье, о чем свидетельствуют деловые документы. В современных пермских говорах эти слова не отмечены, но появилось слово *сукманка* ‘юбка из домотканой шерсти’ [СПГ 2: 417], ведущее свое начало от старого слова *сукман*.

Верхней шерстяной одеждой были свитки и однорядки – короткополая одежда с рукавами и застежкой. Свитки были мужскими и женскими, что иногда отмечалось в пермских документах: *Грабежом де взяли... свитку женскую сукна зеленого* [КЗСИ: 814], *Роспись животом... свитка женская сукна летчинного поношена* [КСАУ: 123]. Чаще свитки шили из привозного сукна – *летчинного* (польского), *анбурского* (гамбургского): *Свитка красна сукна анбурского поношена* [КСАУ: 698]. Иногда в описях имуще-

ства указывался только цвет свитки: *Грабежом взяли свитку сукна зеленого* [КЗСИ: 830], *Взяли... свитку сукна зеленого... две свитки красные* [КСАУ: 281]. Иногда шили свитки и из сукна домашней выделки: *Украли... свитку суконну самокрашону* [СПИИ, к. 6: 1529]. Свитки были дорогими: *Свитка поношенная добрая с радюю цена 2 рубля* [ЧА: 139].

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» [28: 167] слово *свитка* толкуется как «род верхней или нижней одежды (преимущественно священнослужителей или монахов)». Пермские памятники говорят о широком использовании этого вида теплой (верхней) одежды, которую носили и мужчины, и женщины. Однако детального описания ее в пермских текстах нет.

Другим видом теплой одежды была *однорядка* ‘верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки’ [СЛРЯ XI-XVII вв. 12: 289]. Описанные в документах ситуации показывают, что в Прикамье однорядки носили как мужчины, так и женщины. Ср. упоминание мужской одежды: *Едет в судне из заречья из-за Сылвы против посаду Попсел сам гребет веслом а Акилдей седит а однорядка на нем грязна и сам плачет* [СПИИ, к. 1, 461 об.]. В то же время свитка упоминается в приданом невесты: *Приданого взял... однорядка без пугвиц поношена да шушун крашенинной* [ЧА: 139]. Иногда в памятниках специально подчеркивается, что однорядка является женской одеждой: *Покрали ночью... однорядку поповскую да женских две однорядки одна красновишневая а другая вишневая* [СПИИ, к. 3: 799]. Характеризуются однорядки в пермских актах по цвету: *Поповская однорядка голубая с ыскрою* [там же]. В «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» [2: 303] однорядка характеризуется как вид мужской одежды, пермские памятники свидетельствуют об использовании в Прикамье и женских однорядок.

Среди названий теплой зимней одежды в пермских памятниках зафиксировано слово *шуба*. Отмечаются *шубы ношебные* (одежда для ношения) и *шубы-одеяльницы* (одеяла из шкур животных): *Да пожитков в клети две шубы бараньи ношебны... да шуба-одеяльница* [КСАУ: 281], *Утерялось из дому моего шуба баранья-одеяльница да шуба баранья ж ношебна* [КСАУ: 211].

Шубы были мужскими и женскими: *Две шубы овчинные муские* [КСАУ: 123], *Украл де он Данила... шубу женскую под крашениной* [КЗСИ: 1001]. Однако чаще всего в текстах документов не обозначено, женской или мужской являлась шуба. Вместе с тем женские шубы называли и *шубами*, и *шубками*.

Шубы шили мехом внутрь, они могли быть *простыми* или *непокрытыми*: *Шуба овчинная простая* [КЗСИ: 262], *Взяли 5 шуб бараньих новых непокрытых* [КСАУ: 114]. Их шили из овчины, белок, зайчин, куниц.

Но чаще упоминаются шубы, имевшие *поволоку* ‘ткань, нашитую на шубу сверху, покрывающую шкуру’: *Хотел ис тех белок и зайчин зделать мехи и шить шубки жене своей да племяннице невесте Марье... китайку де тюневую... купил он... к белкам и зайчинам на шубы на поволоку* [КСАУ: 229].

Женские шубы (шубки) покрывали разными тканями в зависимости от достатка – крашениной, выбойкой, кумачом, киндяком, зенденью, дорогами, тафтою: *Украли шубку овчинную под крашениной* [СПИИ, к. 6: 1529], *Андрюшка у той шубы тое выбойку спорол* [КЗСИ: 287], *Покрали шубу кунью под голубым киндяком* [СПИИ, к. 3 799], *В клетке ж была шубка овчинная покрыта зенденью цена рубль* [КЗСИ: 334], *Шубка женска мех хорьковой под зеленами дорогами* [КЗСИ: 121], *Владеная... на платье... на шубу билью под тавтою* [КСГ: 148 об.].

У шуб были меховые воротники (ожерелки): *Грабежем они воровские люди взяли... шубу под крашениной овчинную ожерелок бобровой* [КЗСИ: 814], *Шуба ношебная ожерелок бобровой* [КСАУ: 123]. Вдоль застежки шубу украшали *пухом* ‘оторочкой’ из ткани или меха: *Покрали... шубу боранью под кумачем красным пух и ожерелок бобровой* [КЗСИ: 522 а], *Три шубы пушены кумачем* [КСАУ: 698].

Женские шубы (шубки) украшались дорогими пуговицами, вышивкой, кружевами: *Шуба белья под киндяком поношена с пугвицы серебряными* [ЧА: 139], *Владеная... на шупку женскую золотом шиту* [КСГ, 148 об.], *А кружыва де шелковые купил к вышеявленным шубам* [КСАУ: 229].

Таким образом, женские шубы были очень дорогой одеждой, поэтому их описание попадало во многие документы на владение имуществом или в судебные акты о воровстве и грабеже.

Большую роль в женском костюме играли головные уборы. Девушки не покрывали волосы и использовали нарядные головные уборы, которые повязывали вокруг головы. Их назвали словами *перевязка*, *перевязченка* и *головадец*: *Снесла перевязку шелкову* [КА: 20], *20 кокошников и перевязок женских* [КСАУ: 106], *Выняли... в сенцах две перевязки женских одна новая красная... подкинули ево Афонку двема перевязченками* [КА: 75], *Взяли... головадец золотой* [КЗСИ: 121], *Паворозы от головадца... нашивок де она и паворозов никаких малому Никитке не даывала* [КА: 10]. Паворозы – ленты для головадца – были шелковыми.

Замужняя женщина должна была закрывать волосы, появление ее на людях с непокрытой головой было верхом неприличия. Головными уборами женщин были *волосник*, *подзатыльник*, *поддубрусник*, надевавшиеся непосредственно на волосы, *кокошник* и головные платки, имевшие разные названия: *плат повязывальный*, *фата*, *обрус*, *убрус*, *убрусец*: *Долгу платить... под наволочку да по ширинку шесть алтын да попадье Василисе Васильевской под волосник з завязками рубль* [ЧМ 2561: 4], *Подзатыльник шит золотом* [КА: 76], *Шуба да поддубрусник да китайки два аршина* [КА: 162], *Да сверж же явочной челобитной шуба да поддубрусник* [КА: 162], *6 платов повязывальных в головы* [КСАУ: 698], *Кокошник кумачной красной плат повязывальной пестрой красной подержаной* [КЗСИ: 814], *Отдано... 38 очелков 2 обруса* [КА: 162].

Украшением замужней женщины был кокошник. К лицу женщины примыкала его часть, называемая словами *очелок* или *очелье*: *Из лавки украдено... очелки женские* [КА: 162], *Вынесла... очелья кокошников женских* [КЗСИ: 128]. Очелья готовились на твердой основе (бересте), обшитой тканью, по которой делалась вышивка: *Восьм очелей кокошников женских холшевых шитых шелками* [КЗСИ: 128], *С собою унесла... очелья отласны да десять кокошников* [КЗСИ: 1010].

Фата являлась частью кокошника, закрывающей волосник и поддубрусник: *Взяли фату пеструю* [КА: 76], *Фата женская ветхая малой руки* [КСАУ: 123], *Украли фату красную бумажную* [КЗСИ: 838], *Взяли... фату шелковую* [КЗСИ: 814].

Выходные кокошники были дорогими, их покупали в лавках, привозили в Прикамье с ярмарок: *Купленного на Макарьевской ярмонке... два кокошника женских простых лазоревого байбереку нешитых два ж кокошника один камчатой а другой зеленой китайского атласу кроеных а нешитых же... хотел де он Кирило чтоб те кокошники сшить вышеявленным золотом и серебром жене своей и племяннице и невеске* [КСАУ: 229].

Кокошники делали и из тканей домашнего изготовления (холста), и из привозных бумажных и шелковых тканей: *Кокошник кумачной красной* [КЗСИ: 814], *Кокошник китаешной шит золотом* [КЗСИ: 522 а]. Их вышивали шелком, золотыми и серебряными нитями: *20 кокошников женских по кумачю и по холсту шиты шелком и нитми* [КСАУ: 106], *Кокошник золотом шит купил* [КА: 242], *Взял... пять кокошников белых шитых шелком* [КЗСИ: 998].

Названия платка *убрус* и *убрусец* в XVII-XVIII вв. тяготели к высокому стилю и использовались

при описании икон: *Образ Пречистья Богородицы... убрусец и ожерелье низано жемчужком мелким* [Ш 2: 193]. На основе слова *убрус* ‘названия платка, которым при замужестве покрывали голову невесты’, появился деловой термин *убрус* ‘плата наместнику за выдачу девушки замуж’: *Кто дочь дает замуж и наместнику за убрус три белки* [Ш 3: 32].

В пермских судебных актах немало дел о воровстве или срыве с головы зимних шапок, так как нередко они были весьма дорогими: *Челобитье на Трофима Бабашкина в срыве шапки з головы* [КЗСИ: 539 а]. В памятниках иногда подчеркивали, мужской или женской является шапка: *Купил я сирота у него Терентья шапку мужскую... украл... шапку женскую* [СПИИ, к. 3: 799]. Шапки покупали и шили сами: *И тое де шапку шыл он Онцыфорко сам дома из старинного своего суконного лоскутья* [там же].

Шапки состояли из верха (*вершика*), *испода* (подкладки) и опушки, которую называли *пухом* или *напушицей*: *Шапка женская верх золотой пух бобровой* [КЗСИ: 121], *Шапка с пухом* [СПИИ, к. 3: 799], *Шапка женская верх тафтяной пух язвишной черной* [КЗСИ: 522 а], *Шапка овчинная черная опушена бобром в 5 алтын... шапка овчинная черная с напушицей бобровой* [КЗСИ: 441], *Пропало... шапка сукно лазоревое с лисицею испод белей*⁶ [КА: 10]. Женские шапки со стороны лица иногда украшали жемчугом или кружевами: *Приданого взял шапка отласная с перередьм и с круживом женчужным* [ЧА: 139].

Кроме шапок, женщины носили также *треухи* ‘теплые шапки с опущенными наушниками и задком’: *Тряух соболей женской... тряух соболей верх камчатой травчатой... треух женской бобровой верх красной изарбатной* [КЗСИ: 522 а], *Треух бобровой а верх золотой... треух ветхой соболевых лапок* [КЗСИ: 121].

Лексика женской обуви в пермских памятниках менее разнообразна, чем названия одежды. Носили чулки, вязаные и сшитые из ткани: *Чюлки вязаные цена 4 алтына* [КА: 20], *Украл он Василей с прилавку чюлки вязаные новые* [КЗСИ: 1004], *Вершек сукна светло-зеленого да того ж сукна чюлки у него Карпа были... ис той свитки он Карп сшил себе шапку и чюлки* [КСАУ: 281]. Чулки были теплыми, их делали из сукна, чаще сермяжного: *Двои чюлки суконные сермяжные цена 2 гривны* [КА: 33], *Досталось чюлки сукна сермяжного крашения* [КСАУ: 698]. Иногда их обшивали бумажной тканью: *Взяли... чюлки суконные обложены китайкой* [КЗСИ: 814].

Ноги обертывали *скутами* (онучами из сукна): *Двои ступни красные поношенные двои скуты суконные белые* [КСАУ: 123]. Их надевали

под лапти или ступни: *Скуты суконные белые подержанные* [КСАУ: 814]. Слово *скуты* ‘портянки из домотканой шерсти’ отмечается в пермских диалектных словарях [СПГ 26 349; СРГКПО: 222], но отсутствует в этом значении в исторических словарях. Оно зафиксировано в Сибири, но только как название настей для крепления убранного паруса [СРНДРС: 143]. Так что в XVII-XVIII вв. пермское значение слова *скуты* было диалектным, как и в настоящее время.

В качестве женской обуви в пермских памятниках отмечаются *ступни*, *коты* и *башмаки*. В Прикамье использовали и лапти, о чем свидетельствуют некоторые тексты: *Рогожного товара лаптей шлей хомутов на откуп не давати* [АПМ: 158]. Зафиксировано и диалектное слово *коточиг* ‘кочедык; шило для плетения лаптей’: *Челобитная... в краже с поля ральников топора долото дву серпов коточига шила сохи и иной ружяди*⁷ [РСК 1: 37]. Однако север Пермского края был не богат липами, которые необходимы для «рогожного товара», поэтому лапти не были здесь распространены. Ступни ‘вид кожаной обуви без твердой подошвы’ в картотеке пермских памятников зафиксированы лишь один раз: *Двои ступни красные поношенные* [КСАУ: 814].

Самой распространенной женской (и детской) обувью были кожаные коты, их изготовляли сами и покупали. Так, в Соликамске на торгу существовал *котовый ряд*, где продавалась обувь: *Дала сие договорное письмо... в котовом ряду на лавочное место* [ГКЭ 17: 11300].

Коты шили на твердой подошве (*Девятеры подошвы дубленые котюшные* [КЗСИ: 814], *Взяли из дому моего грабежом восмеры подошвы котювые дубленой кожи* [КЗСИ: 786]) с обшивкой (*опушкой*) из ткани или мягкой кожи (*Коты красные опушка красная... коты ж красные опушка вишневая* [КЗСИ: 1004]; *Взяли... кот опушен, серой* [КЗСИ: 814]). Упоминаются украшенные дорогие коты с подбором, и можно предположить наличие у них каблука (подбора): *Утерялось... коты красные с подбором с прошивкой мишурной ценою в 6 алтын* [КЗСИ: 1004].

Башмаки упоминаются в пермских текстах как кожаная обувь, но никаких деталей их не выделено: *Взяли... десятеры башмаки барановые... прислал он Лучка с матерью своею одне де башмаки ей Оленке а другие де башмаки сестре своей замужней Фетинице* [КА: 163].

Женщины могли использовать и другую называемую в памятниках обувь (*сапоги*, *тюни*, *валенцы*, *уледы*), но она не характеризуется в них как женская, поэтому не останавливаемся на ее характеристике.

Рассмотрение названий предметов женской одежды из пермских памятников письменности в сопоставлении с данными исторических словарей и современных пермских и других диалектных материалов позволяет сделать следующие выводы.

Лексика одежды представлена в деловых памятниках письменности разных видов (жанров): в завещаниях, описях имущества, таможенных документах, судебных актах, расписных книгах и других текстах. Требования жанра текста накладывают отпечаток на отражение названий предметов одежды. В расписных книгах и таможенных записях, где требовалась лаконичность, вещи только называются, а в судебных документах (челобитных, допросных сказках, очных ставках) еще и характеризуются: из какого материала, какого цвета, с какими дополнениями и т.д. изготовлена одежда.

Исторически сложилось так, что на севере Пермского края (на Чердынской земле), где русские говоры сформировались ранее (с XV в.), чем на юге края, было много пожаров, в которых погибло большое количество документов. Но в Москве сохранились расписные списки, составленные при передаче дел от одного пермского воеводы к другому, и в списках коротко перечислялись все передаваемые документы и их содержание. Поэтому в расписных списках достаточно много названий одежды, но нет характеристики называемых предметов.

В южной части края, в Кунгурском уезде, картина иная. Русские говоры там формировались с первой половины XVII в., поэтому в них могла не попасть устаревающая лексика (например, слово *шушун*). Вместе с тем там сохранилось большое количество судебных документов, хранящихся сейчас в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В этих текстах представлена характеристика многих предметов (в частности одежды), по поводу которых шла тяжба. Поэтому в данной статье основные характеризующие исследуемую лексику тексты представлены главным образом кунгурскими материалами (*КА*, *КЗСИ*, *КСАУ*). Это подсказывает, что в дальнейшем, изучая лексику XVIII-XIX вв., при поисках материалов для характеристики одежды (и других предметов быта) целесообразно обращаться, прежде всего, к региональным юридическим текстам.

Изученные названия предметов одежды говорят о значительном имущественном неравенстве населения Прикамья. Так как в документы попадали обычно названия дорогих предметов, которые передавали по наследству, покупали и продавали, пытались вернуть, если их украли, то в памятниках оказывается лексика, свидетельст-

вующая о ценных вещах. О дешевых предметах не делали таких записей, и они гораздо реже отмечались в текстах Прикамья, хотя могли быть широко распространены.

Например, судя по данным говоров XIX-XX вв., женщины и в прошлом должны были использовать такой предмет одежды, как передник, фартук, который называли *запоном*. Название этой необходимой и практичной вещи не записывалось в памятники, так как она не представляла собой никакой ценности. Вместе с тем слово *запон* все-таки встречается как название передника, но только у кузнецов и металлургов. У них запоны для защиты от огня и раскаленных металлических брызг были из кожи, имели цену, и их названия попадали в пермские тексты: *Да с ними же принесли запоны телятиной... с поличным ис той кузницы с железом моим да з запоном железным козловым цена железу и запоноу гривна... и запоны телятиной изрезали* [*КЗСИ*: 1010].

По этой же причине редко назывались и другие недорогие предметы женской одежды и обуви (дубасы, лапти, ступни и т.д.), но подробно описывались ценные вещи. Потому и введено в название статьи слово *модницы*, в данном случае как именование носителей дорогой одежды.

Пермские тексты XVII-XVIII вв., рассмотренные в сравнении с материалами диалектных и исторических словарей, позволили выделить несколько диалектизмов в составе исследуемой тематической группы. В настоящее время имеется несколько исторических словарей русского языка (СлРЯ XI-XVII вв., кончая словом *сулебный*; СлРЯ XVIII в., кончая словом *открыть*; СОРЯ, на буквы А-В), словники при публикациях текстов памятников, подготовленные в Институте русского языка АН СССР под руководством С.И.Коткова, и исторические региональные словари (РИС; СРНДПС; СЯМП; СПП и др.). Кроме того, существует большое количество работ по исследованию различной лексики памятников. Все это позволяет рассматривать отдельные слова русского языка с точки зрения их территориальной характеристики и выявлять диалектную лексику прошлых эпох (она не всегда совпадает с современной).

Обнаружены диалектизмы XVII – начала XVIII в. среди названий предметов одежды в пермских текстах: *дубас*, *головодец*, *скуты*, *ступни*, *сукман*, *шушун*. Часть слов пермских памятников представлена семантическими диалектизмами: *барма* ‘воротник женского сарафана’, *коклюшки* ‘кружева домашнего изготовления’. На основе старых диалектизмов возникали новые, обозначающие видоизменившуюся одежду: из *сукман* ‘сарафан из сукна’ *сукманка* ‘юбка из

домотканой шерсти' [СПГ 2: 417]. Часть современных диалектизмов в прошлом относилась к общерусской лексике: *однорядка*, *портно*, *свитка*.

Конечно, по сравнению с данными XIX-XX вв. памятники дают гораздо меньше материала: современные диалектологи собирают его целенаправленно, стараясь не пропустить ничего, а историки языка вынуждены довольствоваться тем, что сохранили для них писцы, не подозревавшие, какими ценными окажутся их записи через несколько столетий. Но для исторической лексикологии, исторической диалектологии и нередко для этимологии, а также для описания культуры прошлого выявленные диалектизмы представляют собой ценный материал.

Изученные названия иллюстрируют и некоторые процессы в языке. Так, не решенный однозначно вопрос об этимологии слова *дубас* свидетельствует о тесном взаимодействии русских и коми говоров на территории Перми (Перми Вычегодской и Перми Великой).

Исчезновение в памятниках некоторых старых слов (ср.: *шушун*), вытеснение их близкими по значению (*сарафан*) свидетельствует о постоянном движении в лексике. Причины этого движения в названиях одежды кроются прежде всего в экстралингвистических обстоятельствах: в связях с центром (Москвой), Русским Севером, участием в ярмарках (в XVII в. Макарьевской и Ирбитской), торговле с югом (до Соли Камской доходили караваны верблюдов, которые везли шелковые и бумажные ткани), с востоком (через Томский острог до Чердыни и далее в центр государства «чайный путь», по которому везли не только чай, но бумажные ткани). Все это не могло не отразиться на характере одежды в Прикамье.

Материалы второй половины XVIII в. (в частности указы 1766-1767 гг. «О сборе пошлин таможням с привозных и отвозных товаров») свидетельствуют о появлении новых тканей и предметов одежды и новой лексики. Все это очень медленно, но проникало и в Прикамье и приводило к изменениям в культуре и языке.

Хорошо сохранялись традиции изготовления повседневной, рабочей женской одежды и ее названия, но выходная претерпевала изменения. Когда в 1953 г. нам показывали сохранившиеся дубасы, продемонстрировать старинные сарафаны уже не могли. Эту выходную одежду давно сменили *парочки* – нарядные юбка и блуза (кофта), обтягивающая фигуру.

Результаты исследования лексики одежды в памятниках Прикамья XVII – начала XVIII в. позволяют представить судьбу отдельных слов и всей тематической группы на протяжении веков.

Однако между нею и лексикой конца XIX-XX в., изучаемой диалектологами, большая лакуна – XVIII-XIX вв. Эту лакуну необходимо заполнить, обратившись к поиску лексического материала и его анализу.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», № 2.1.3./2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и гранта РГНФ № 08-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь “Человек”».

² В ссылках курсивом обозначены условные сокращения названий источников, прямым шрифтом – сокращения названий в списке литературы.

³ Примеры из памятников даются курсивом, анализируемое слово в них выделяется жирным шрифтом. Буква «ять», употреблявшаяся непоследовательно, передается как «е». В исследуемых текстах знаки препинания отсутствовали, в цитаты они не вводятся.

⁴ В лексической картотеке пермских памятников более десяти тысяч слов и около 100 тысяч словоупотреблений.

⁵ Из меха барсука или козы.

⁶ Из меха белки.

⁷ Рухлядь – ‘имущество’.

Список источников

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПб. Ин-та русской истории РАН. Коллекция 115. № 388.

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии. Рукопись. РГАДА. Фонд 281, оп. 17.

КА – *Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.)*. СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Фонд 687, опись 1.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Фонд 1015, опись 1.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А.М.Горького. Фонд редкой книги. № 61593.

СПИИ – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. Института истории РАН. Фонд 122., коробки 1-6.

Тамож – Таможенные выписи Новоусольской таможни на предъявленные в ней товары. Рукопись. 1741 г. РГАДА. Фонд 829, № 1284.

ЧА – *Спасский Г.* Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // *Временник Московского общества истории и древностей российских*. М., 1857. Кн. 25.

ЧМ – Чердынские свитки XVII-XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Фонды 2558, 2561.

Ш 2 – Шшонко В. Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882.

Ш 3 – Шшонко В. Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884.

Список литературы

Акчим – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / под ред. Ф.Л.Скитовой. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003. Вып. 1-5.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.: Новосибирск: «Наука», 2000.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г.Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Вып. 12.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1955.

Зверева Ю.В. Наименования одежды в пермских говорах как источник этнокультурной информации // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009а. С.95-96.

Зверева Ю.В. «Одежда для ног» в пермских говорах // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования; Перм. ун-т. Пермь, 2009б. С.128-142.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р.М.Баталова, А.С.Кривошекова-Гантман. М.: «Русский язык», 1985.

КЭСКОЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / сост. В.И.Лыткин, Е.С.Гуляев. М.: Наука, 1970.

КЯД – Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

Михайлова Л.П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии; ГОУВПО «КГПУ». Петрозаводск, 2004.

Полякова Е. Н. Севернорусское слово *жир* – «этаж» // Системные отношения в лексике севернорусских говоров; Волог. пед. ин-т. Вологда, 1982. С.136-142.

Полякова Е.Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII – начала XVIII века // Лингвистическое краеведение Прикамья; Перм. пед. ин-т. Пермь, 1977. С. 42-52.

РИС – Региональный исторический словарь второй половины XVI-XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края / отв. ред. Е.Н.Борисова; Смол. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2000.

САР – Словарь Академии Российской. СПб., 1789-1794. Ч. 1-6.

СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т.Г.Паникаровская; Волог. пед. ин-т. Вологда, 1983-1997. Вып. 1-7.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: «Наука», 1975-2008. Вып. 1-28.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. СПб.: «Наука», 1984-2007. Вып. 1-17.

СНРРТ – Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / ред. В.В.Палагина, Л.А.Захарова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. / под ред. О.С.Мжельской. СПб.: «Наука», 2004-2006. Вып. 1-2.

СПГ – Словарь пермских говоров / ред. А.Н.Борисова, К.Н.Прокошева: В 2 вып. Пермь: «Книжный мир», 2000-2002.

СПЛСР – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И.Чайкина. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003-2005. Вып. 1-2.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 6 вып. / сост. Е.Н.Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001.

СРГА – Словарь русских говоров Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. Т.2. Ч.1.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И.А.Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И.Федорова. Новосибирск: «Наука», 1979.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1964. Т. 1.

СРГСУ-Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1966.

СРГЮРКК – Словарь русских говоров южный районов Красноярского края. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб.: «Наука», 1966-2008. Вып. 1-41.

СРНДРС – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г.Панин. Новосибирск: «Наука», 1991.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В.А.Сорвачевой. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1961.

Судаков Г.В. География старорусского слова: учеб. пособие по спецкурсу; Волог. пед. ин-т. Вологда, 1988.

СЯМП – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. / сост.

Полякова Е.Н. ЧТО НОСИЛИ МОДНИЦЫ В ПРИКАМЬЕ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА
(по данным лексики пермских памятников письменности)

Н.А.Цомакион; Краснояр. пед. ин-т. Красноярск, 1971.

Трубачев О.Н. Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.

Дополнительные условные сокращения

РАН – Российская академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

FASHION IN PRIKAMYE
OF THE XVII – THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES
(on the lexics data of Perm written monuments)

Elena N. Polyakova

Professor of General and Slavonic Linguistics

Perm State University

On the data of Perm written monuments of the XVII – the beginning of the XVIII centuries we deal with the names of woman dress, headdress and footwear in Prikamye region. The prevalence of common Russian lexics in this sphere is revealed as well as the dialect variants, semantic dialecticisms, Komi-Permyak words. The origin and etymology of certain words is shown. The present research adds new research materials of the XVI-XVIII centuries to the data of dictionaries of Russian lexics and supplies with the ethnographical information about Perm region of the XIX-XX centuries. It's urgent as for the history of Russian language, as well as for the ethnography of Prikamye region.

Key words: Prikamye; lexics; woman dress; headdress; footwear.